

По части всяческих ручных работ.
Чтоб повесть вам моя не докучала,
Скажу тотчас: попал он под начало
К дворецкому Эмилии самой.
Хитро пред тем узнал он стороной
О каждом, кто служил любимой даме,
К тому ж он был могуч и юн годами,
Был костью крепок, преисполнен сил.
Дрова рубил он, воду приносил,
Все делал, словом, что ни повелят.
Так прослужил он года два подряд
И вот пажом приставлен был к палатам
Эмилии, назвавшись Филостратом.
Никто из всех людей такого чина
Так не был чтим, и даже вполовину.
Так был учтив Арситы разговор,
Что весть о нем весь облетела двор:
Все говорили, что по благостыне
Тезей его повесить должен в чине
И на такой его поставить путь,
Где доблестями может он блеснуть.
Так слава Филострата процвела,
Хваля и речь его, и все дела,
Что милостью его взыскал Тезей
И сделал сквайром в горнице своей,
Дав золота, чтоб жил он, процветая,
К тому ж вассалы из родного края
Из года в год несли ему добро.
Но тратил он так скромно и хитро,
Что не дивил людей его доход.
Так прожил он в Афинах третий год
Во дни войны, в години мира тоже,
Тезею ж был он всех других дороже.
Его оставлю я в такой чести,
Чтоб речь о Паламоне повести.
В ужасной, мрачной башне заключен,
Семь долгих лет страдает Паламон,
Надежд лишенный, от любви больной.
Кто злой кручиной отягчен двойной?
То – Паламон: боль от любовных дум
Ему едва не помутила ум;
К тому ж он узник, под ярмом невзгод
Стенящий век, а не один лишь год.
О, кто бы спеть в стихах английских мог
Про муки те? Не я, свидетель бог!
Итак, рассказ я быстро поведу...
Раз, в третье мая на седьмом году
(Как говорят нам книги старых дней,
Что этот сказ передают полней)
Так учинил благоприятный рок
(Что суждено, свершится в должный срок),
Что Паламон, среди полночной тьмы,
Друзьями вызволенный из тюрьмы,
Из города бежал что было сил,
Тюремщика же так он напоил,